

Александр Баранов — культовый персонаж пермского литературного андеграунда семидесятых годов прошлого века. Художник, писатель, поэт, бард. В 1973–74 годах учился на филологическом факультете Пермского университета, откуда был отчислен. Входил в дружеские круги Нины Горлановой, Вячеслава Букура и Виталия Кальпиди. После своего ухода в армию, в конце 1970-х, исчез из Перми. С тех пор о его местонахождении ничего не известно. Долгое время судьба его рукописей тоже оставалась неизвестной. Пока год назад издатель Борис Эренбург не нашел в своем архиве папку с текстами Александра Баранова. Выцветшая папка называлась «16 тактов на блюзую тему. Три сказки». На самом деле сказка была одна — «Лето», остальные две вещи — рассказ «Лопух в ресторане «Бес» и повесть «Остров Трупинского». Рукописи датированы 1978 годом. В двух текстах встречаются сквозные персонажи. Стилистически проза Александра Баранова наследует традиции абсурда и экспрессивной прозы двадцатых годов.

Редакция расшифровала и перевела машинопись в электронный вид. И попросила написать Нину Горланову очерк о жизни и творчестве потаенного героя пермского андеграунда.

Предисловие Нины Горлановой

Баранов был ужасен. Баранов был прекрасен. Как электрон, он колебался между этими двумя смыслами...

Мы познакомились в общежитии. Я была еще не замужем. Значит, это 1972 или 1973 год. Сначала я была очарована... даже его внешностью! Это как бы Боярский в светлом варианте. Но... он был пьяница и наркоман. Да, в общем, какая-то изломанность изначально ему была присуща. Я не знаю, откуда приехал он — говорил, что из Кирова. Может, все врало. Проверить было нельзя. Но он очень влиял на меня, потому что рисовал, пел, сочинял — все это делал легко. Не то что как другие — важно. Он все создавал так, между рюмками. И все это было на уровне гениальности. Он писал роман в стиле примитивизма. Больше так никто и не писал. Ну, конечно, там немножко и влияние Элинджер в переводе Райт-Ковалевой, но все-таки это был свой роман. Он у меня был в рукописном варианте. Я его дала когда-то перепечатать Юле Грузберг, и вот Борис Эренбург недавно его нашел...

Баранов был необыкновенно остроумный. Вот Кальпиди, Слава Букур, Баранов — они могли фонтанировать сутками. Это были история за историей — саги про каких-то рыцарей, которые как-то попали в современность, и как все это пошло в ЦК, и там было связано с политикой, и какие-то предсказания, которые потом, после Чернобыля, сбылись — что атомная катастрофа произошла, куры мадам Кузяевой набросились на хозяйку и выклевали ей полноги... Баранов всем этим фонтанировал в 73–74-м году.

Когда исключили его из университета, я ходила к ректору, за него просила. Он учился на романо-германском, а потом, вроде, на русский перевелся... Я уже забыла. Ну вот, он что-нибудь да вытворял в общежитии: то драка, то попытка самоубийства... Я ходила к ректору, и ректор сказал: «Мы наркоманов не держим, даже не просите».

Тогда как раз у меня прошла передача об Акчипе по Всесоюзному радио, которую передавали, повторяли два раза. Настолько кому-то наверху понравилось, что приехало Центральное телевидение снимать Акчим. Был такой со мной момент удачный связан, и ректор мог бы пойти мне навстречу, но не пошел.

Но все равно Баранов долго еще к нам приезжал, из армии он мне писал, после армии приезжал. Вот этот портрет, где моя щека зеленая — она была красная... Портрет был, конечно, гениальный. Карандашом он все делал... Вот, на нем, я приколола звезду и лечу... Еще в то время я не взяла приемную дочь, еще только с Барановым одним возилась. А уже он меня видел какой-то вот такой, высокой. Нарисовал красную щеку — и я тут же обожглась, порезалась, кровь льется. Я говорю: «Закрашивай щеку в зеленый, серый цвет». Он кричал: «Губительница шедевров! Напиши расписку, что после твоей смерти я ее могу обратно перекрасить в малиновый цвет!» Ну, в общем, в любом случае Баранов был невероятно одарен.

Сюжеты рассказов продавал мне просто за бутылку — вот «Золотой ключик», например. Жил он у нас месяцами. И все это было здорово, но однажды мы со Славой уехали в отпуск, к маме, оставили ему ключи... (...) он исчез, т. е. больше мы его никогда не видели. И когда я теперь проезжаю мимо Кирова, я смотрю тщательно в окно, и любой мужик, продающий там какие-то лапти, кировские, вятские игрушки дымковские... Мне кажется: наверно, это Баранов. Вот, сбрил усы — наверно, это Баранов. Тут же роется бомж в ящике на платформе — может, это Баранов. Тут же выходит из машины богатый новый русский с какой-то девочкой, сажает ее в поезд — может, это Баранов. Любой может быть Барановым.

Но все-таки если бы он стал писателем или художником, мы бы о нем услышали. Во время перестройки услышали ведь обо всех. Поклонник мой, читатель, прислал письмо из Кирова — и я попросила его найти Баранова. И он мне написал, что всех Барановых в Кирове нашел — «ни по возрасту, ни по отчеству вашего нет». Если жив, то так, что не видно, не слышно.

А если не жив, то не жив. Я не знаю.

Кальпиди одно время просил его поискать, сам по своим каналам искал — тоже не нашел.

Но иногда мне Баранов снится, что-то говорит во сне. До сих пор я его помню. Ни на одной фотографии даже его, по-моему, нет. Ну, какой он был — вот как Боярский, только блондин. Невероятной красоты улыбка. И вечно он кончал с собой. Слава его стаскивал с подоконника сколько раз — все нервы, все непросто это, конечно.

Да, судьбы ломались, ему бы тогда какую-то поддержку, выставку, книжку издать. Я уверена, это человек был таких потенциалов!

Но в то же время в понятие гения входит и понятие характера, силы воли. Испытания достались всем, у кого их не было? У Цветаевой, у Ахматовой, у Ван Гога — пострашнее, чем барановские. Они же выдержали, состоялись. Т. е. все-таки — не хватило характера.

Ну, вот говорят, что Довлатов воровал у друзей перед отъездом в Америку — и книжки продавал, и все. Но потом он этим друзьям все вернул, подарки высылал.

Ну, ты приедь, ты вернись, хоть через десять лет: «Ребята, жить без вас не могу, хотел вот увидеться с вами, какие вы стали, какой я, показаться». Ничего этого мы не увидели. Какой-то трагический, безысходный шаг. Очень жалко, потому что, в самом деле, у Кати Соколовской есть портрет, у меня, еще на кухне есть барановский портрет Славы. А у Кати Соколовской на портрете глаза — я в мировой живописи больше не видела таких глаз — как какие-то бриллианты, которые огранены, зрачок голубой в виде камня, но это не портит глаза, они человеческие. До того невероятный портрет, просто гениальный. Шедевр настоящий. Сколько я знаю его картин — все выдающиеся. Ну, конечно, у меня Агния спрашивает: «Почему у папы все кирпичом выложено вокруг фигуры?» Я говорю: «Потому что Баранов мечтал, чтобы его желудок был выложен огнеупорным кирпичом». У него болел иногда желудок с похмелья.

Однажды... Был у нас большой скандал. Он считал, что за то, что он нам рассказывает и рисует, мы должны его кормить бесконечно. Допустим, живет уже три месяца. А деньги — где брать их? Ну, погостил, давай, Саша, уезжай, потом через полгода приезжай, мы еще накопим денег. «Так я же вам что-то рассказываю, я же вас развлекаю!» — «Так мы тебе тоже что-то рассказываем!» Он думал, что это продается. А мы думали, что в дружбе это обмен равный на равное, дружба обменивается на дружбу. А не так, что дружба обменивалась на нашу еду. В общем, как-то это нас поразило.

Настолько, видимо, он считал себя выше, он думал, что он одаривает нас. Он путал нас с меценатами. А какие же мы меценаты? Мы такие же творческие люди, так же пишем, так же рисуем, так же мало зарабатываем, так же не умеем жить.

Как-то он себя так высоко ставил, что не считал нас ровней. Но в то же время, допустим — это показательно для него — скажет, как моей подружке однажды: «Сейчас я тебя удивлю». Ну, имея в виду, что споет что-то новое. Но он же алкоголик, если не рассчитает — быстро уже под столом. А утром она ему: «А ведь ты обещал меня удивить». Он говорит: «Так разве я тебя не удивил?» Выходил из положения все время.

Его очень любили женщины. И Чудинова, и Гордеева — в общем, пол-общезития его любило. И, конечно, все готовы были бы и замуж выйти, да, видно, не сватался. Он, наверное, не считал, что путь семьи — его путь. Но он был невероятного обаяния человек, которого любили все: простые люди, интеллектуалы, мы с Катей, мои соседи, Власенко, пьющие, непьющие.

Когда запевал — у него голос был такой, как у БГ, с дрожалочкой, в стиле кантри — невероятное ощущение счастья налетало на нас. Это, конечно, было украшение наших тогдашних вечеринок, и картины его тоже всем нравились.

Есть художники, которых долго не признают. А вот Баранова всем надо было: и песни, и стихи, и картины, и голос, и гитара — все, и внешность. И как бездарно, если все это пропало, как это жалко.

Александр Баранов «Портрет Нины Горлановой» (1976), «Портрет Вячеслава Букура» (1976).

Но на меня он повлиял. Вот только два человека — Комина и Баранов — ждали от меня каких-то свершений, какого-то духовного развития, а все остальные относились ко мне обыкновенно. Ну, дружили мы с Королевым, Юзефовичем — они меня потом, когда я стала писать, даже поддерживали. Но Баранов меня ценил, даже когда я ничего не писала, а просто вела дневник и вела с ним разговоры о живописи. Он считал, что я настолько вот тонкая какая-то, вся создана для... то ли я буду книгу о художниках писать, то ли я буду искусствоведом, то ли знаменитым журналистом — вот как-то он от меня все ожидал чего-то такого: «Ну, когда ты, мать, прославишься и напишешь свою книгу о Сальвадоре Дали, помяни меня там в своих молитвах, купи мне там того, сего, бутылочку краски» и прочее.

В общем, как-то он меня всегда выделял, и это меня поддерживало. А теперь куда деваться? Нет Баранова нигде, мы его не видим. Мы написали о нем повесть, которую тоже никто не берет. Называется «Повесть о герое Василии, подвижнице Серафиме». Ну, никто ее еще ни разу не напечатал. «Урал» брал — не напечатал, в Кургане брали — тоже не напечатали. Ну, значит, так надо — но там Баранов прямо под своей фамилией. Он у меня часто мелькает: и в «Квасире» под своей фамилией: «Видел я Баранова, Баранова не пьяного, Баранова не пьяного, значит, не Баранова»...

Как-то повелось, что Баранов, вроде, не обижается, его можно было под его фамилией еще тогда, в молодости.

Он писал мне необыкновенные письма из армии — в каждом письме было нарисовано или яблоко, или целый кулек яблок, потому что я любила яблоки. Это было всем известно, но из армии он не мог мне послать яблоки — но рисунок... Он писал такую прозу, необыкновенной энергии, тонкую, где все тоже высмеивалось. И так смешно, но у него смех Хармса, смесь прозы Селлинджера и примитива — и нежность, и чудо — это был просто необыкновенный человек. Бог дал ему все. И куда он все это дел, я не знаю. Мне Господь ничего этого не дал, я приехала, не зная ни Хемингуэя, не имея никакого таланта. И из первых плохих рассказов начала по миллиметру расти, расти, и дорожу этим безумно. Я так дорожу тем, что есть. А ему Господь дал все, и куда он это все дел, я не знаю.

Лопух в ресторане «Бес»

(Рассказ)

Глава 1

Солнце наконец-то решилось заглянуть и в это окно. Сначала оно парило вдоль напудренных стен, забавляясь проказами маляров (Лопуху пришлось им даже переплатить рублей сорок — такие попались хитрецы). А это вот что? А... Это старое пианино... Играет ли на нем Лопух? Нет. И это уже давно, потому что ревматизм музыке вредит.

Потом солнце удивилось опрятности и чистоте этой обычно неряшливой комнаты. Оно с удовольствием поскользнулось на старом, а сегодня чистом паркете; ах, что это я не заглянуло сюда пораньше? У старухи Жидовой и то сегодня не так чисто...

Проснулся и Лопух.

Если вы его знаете, то можно удивиться: ведь и вчера, и позавчера, и всегда его лицо выражало, ну, в лучшем случае усталость, если не злость, а в особенности утром...

Он растер руками свое старое лицо с явным намерением придать себе бодрость. Его походка от дивана до туалета была игривой.

— Налей, на-лей бокалы полней! — пел Лопух, и еще нечто вообще уже странное, вроде «дует, дует ветерок...»

Из туалета вместе с грохотом унитаза вырвался веселый лопуховский смех. Может быть, это похмелье? Лопух пьет. Однако вчера он не пил, хотя забрал в банке Ляхова все свои деньги.

Это нельзя было назвать капиталом. Так... Но Ляхов был удивлен.

Теперь Лопух стоял в туалете перед зеркалом, облокотившись об умывальник.

— Я не побрит, и я не был в бане... Нет, сначала я пойду в баню, в очень дорогую... А потом уж в парикмахерскую...

Он вдруг засмеялся:

— Тоже в самую дорогую!

Завтрак Лопуха не был самым дорогим, но зато было ясно, что ужинать Лопух будет в ресторане; только в ресторане!

Например, он мог пойти в «Прикамье». Он мог пойти и в «Золотую Жабу» или «Бес». А сейчас он съел одно сырое яйцо.

Но, может быть, это потому, что у него на кухне и было-то всего одно яйцо. Воды он пить не стал: хотелось пива.

Это прекрасно! Особенно после бани, и особенно с таранкой, что он купит у спекулянтши на углу.

Он и пошел с этой мыслью. Одет он был просто, но отутюжен. На улице он с удовольствием стал дышать. От этого захотелось прокашляться — он с удовольствием начал кашлять.

Он уже не вернется домой.

Он взял с собой все деньги, и еще какой-то предмет, завернутый в бархатную тряпку, и альбом с фотографиями.

Лопуху захотелось было выкинуть ключ от квартиры, да стало жалко ключа: он привык носить ключ в кармане. И еще ключом было удобно открывать пивные бутылки. Только сегодня это не понадобится.

Но все равно жалко.

— Вы не пробовали розовую ванную?! Это одна из самых дорогих. И после нее тело — пальчики оближешь! А если хотите, принесут и вина, и горячего мяса, там и музыка есть... И если хотите, придет девочка и будет вас, а-ха-ха, мы-ы-ть!

— Я хочу и мяса и вина, а девочка... Не надо мне, чтобы она стала меня мыть, — Лопуха немного рассердило глупое поведение заведующего баней.

Он купил билет. Это был гладенький, словно из него делают деньги, кусочек бумаги. Там была изображена бочка и высовывающийся из нее до пупа очень довольный человек.

Верно, и Лопух после ванной высунется так же вот и радостно, и до пупа...

Глава 2

...Мы плыли в лодке по маленькому озеру... Помнишь, Маргарита?

И ты не должна забыть тех черных и белых лебедей, что мы кормили печеньем.

Я их очень хорошо помню...

Один был какой-то боязливый и не решился приблизиться к лодке. От этого ему и печенья не досталось. Только потом, когда я किнул далеко-далеко, он смог полакомиться.

А служитель сказал, что этот лебедь потерял свою пару, вот и заболел. Но мы его быстро забыли... Что и говорить! Показался островок, и не было места лучше, чтобы распить нашу бутылку шампанского...

Чтобы ласкать друг друга... Что?

— Ваша очередь, господин Лопух!

Лопух поудобнее уселся в кресле. В зеркале отразилось его мечтательное, в легкой щетине, лицо. Парикмахер улыбался, устраивал Лопуху саван из белой простыни. А у мертвых растет борода и, говорят, ногти...

Лопух вздрогнул, но парикмахер засмеялся и сказал:

— У вас не вырастет!

Почему он так сказал?...

...Ты, Маргарита, не представляешь, какой шикарный костюм из черного бостона я заказал в ателье. Сейчас вот пойду и получу... А на свиданья к тебе я все ходил в чужом... Наверное, и ты ходила в чужом...

Из парикмахерской Лопух направился в ателье по улице Жабова. Было прохладно. Самое лучшее время осени.

Кленовые красивые листья еще не кружили целыми стаями, но некоторые уже устали и валялись теперь на скамейках и асфальте.

Кто-то, кажется, Бродяга, знакомый Лопуху по работе на винном складе, жег траву. Он то ли грелся, то ли курил дым своим духам, но был околдован собственным заклятием и кому-то кивал, глядя на костер.

...Не в юности... Жаль, что лишь сегодня у меня такой модный костюм. Это целая «тройка». Лопух повертелся перед зеркалом. Он усмехнулся и погладил себя руками...

Не мнется! Черный, как ворона! Только придется таскать свой старый костюм

под мышкой. А можно и выкинуть... Конечно, выкинуть...

Была осень. Бродяга продолжал свое колдовство. Он не заметил элегантного Лопуха, когда тот проходил мимо, по направлению к дому старухи Жидовой.

Зато Лопух Бродягу заметил.

Не лучше ли подарить свой старый костюм ему? Не лучше ли увидеть улыбку благодарности и даже почувствовать маленькую запоздалую власть?

— Костюм? Да, да... Спасибо тебе, Лопух, только я... Оплакиваю смерть моего сына, — он заплакал, но тотчас вытер слезы черным платком и посмотрел прямо в глаза Лопуху.

...Если ты даришь мне костюм, можно, я брошу его в огонь, можно, я пошлю его моему сыну?

— Да, да! Конечно... Ты подаришь его сыну...

— А твой... Тоже умер?

— Кто?!

Бродяга расправил в руках старый костюм бездетного Лопуха, и Лопух с ужасом увидел, что никогда не смог бы носить такой костюм: он был ему просто мал!

— Не бойся, Лопух! Я помолюсь и за твоего сына. Или даже вот: моему — пиджак (он бросил в огонь пиджак), а твоему — брюки, — он бросил в огонь брюки. — Спи спокойно, дети... Да будет вашей страной страна весны, тишины, любви...

Он перешел на непонятный шепот и снова кивал кому-то, глядя на костер.

Лопух медленно и все оглядываясь отошел от костра.

И хотя была осень, и кленовые листья еще не кружили целыми стаями, надо было идти к старухе Жидовой.

Глава 3

Старуха Жидова занимала прекрасную квартиру на втором этаже. Она была старуха, и потому в ее комнатах царил тишина, приятная Лопуху.

Из одной комнаты раздавались человеческие голоса:

— Две конфеты. Обе они в красивых, блестящих обертках. Но в какой из них шоколад, а в какой — испражнения?

— Не знаю... А ведь если мы развернем — появится содержание?

— В том-то и дело, что вы не умеете разворачивать, — кто-то тяжело вздохнул.

Жидова насторожилась. Она тоже слушала разговор, многозначительно поглядывая на Лопуха.

— А кто он? — спросил Лопух.

— Глазной врач, сейчас разговаривает с клиентом.

Он появился. Он выскочил сразу и, видимо, комната была для него темна — зажмурился.

Завыл ветер, ворвался в окно вместе с тучами птиц: воробьев и голубей. Они, словно мотыльки на лампочку, кричали вокруг юноши — глазного врача. Некоторые упали на пол и кувыркались у его ног.

— Веник! — Жидова подметала воробьев. Она бросила их в окно — что было!

Воробьи кинулись врассыпную и уж раскричались на весь квартал.

— Вы Лопух? Прекрасно. Жидова, шампанского!

...Я, Маргарита, не струсил. Правда, я делаю это лишь теперь, теперь, а не в день убийства твоего друга...

Мы пили крепкий чай...

Твой друг любил Мунка...

Ты любила меня...

Мы все мыли руки перед тем, как смотреть альбомы. Мы все обмывали твоего друга...

— Запомнили? Он будет в ресторане «Бес» ровно в десять. Как у вас со зрением?

— Плохо... Но я решил стрелять в упор.

— Это правильно. Позвольте осмотреть ваше оружие!

Лопух развернул бархатную тряпку.

— Не для вас. Я вас не понимаю. Я сделаю это ради воспоминаний...

— И ради Маргариты?

— Да, хотя мне кажется, что она сама виновата в том, что ей не повезло.

— Ничего себе «не повезло»! Да, если бы не Бродяга, она бы никогда не появилась у нас!

Лопух удивился:

— У вас? Бродяга? Он же был ребенком, когда это произошло! Как мог он помочь Маргарите?

Глазной врач весело рассмеялся. Бокал прыгал в его светлой руке.

— Знаете ли, сколько вам лет, господин Лопух? Ровно столько, сколько осталось до происшествия в ресторане «Бес». А именно: менее двенадцати часов. Вы новорожденный! Бродяга же переступил эту черту неизвестно когда; он, верно, постарше меня...

— Значит, я — ребенок?!

— Все мы дети...

Когда Лопух выходил из квартиры, он передал старухе Жидовой альбом с фотографиями.

— Утром, обычно утром, он жжет костер на улице Жабова. И ты отдашь ему альбом, пусть пошлет мне.

Он достал всего одну фотографию (Маргариты) и спрятал у себя на груди.

Глава 4

Солнце, как и во все времена, к вечеру остыло и не любило уже город...

Ты была тогда в черном...

Кто вот, например, та, что сидит теперь на твоём месте? Она молода и красива и справляет свой день рождения с друзьями из витражной мастерской. Юная. Она красивее Маргариты, но она в белом...

Что я заказал?

Прежде всего — это шампанское; потом я люблю «Бенедиктин» (я люблю его с водкой — я становлюсь от него пьяный)...

Как жаль, что все не выпить за один вечер и не съесть... стерлядь... кажется, икра (ее надо со специальными булочками из тонкой муки). Я ничего не понимаю в тонком... Это и хорошо, и томно это, и бывает неприятно...

Двуслойный табачный дым: внизу тяжелый от мужских папирос, и легкий выше — дамы любят сигаретки... Смеются они... Так устало выходит в вестибюль, так нехотя

(а хочется!) падают в кресло... просят воздуха: дядь Миша, открой дверь, пожалста!)...

Дядя Миша выпил — смотрит ласково на недоступную оранжерею — и выбрал бы вот эту (у-у-у! как она спрятала вынырнувший бюстгальтер!)...

Лопух пригубил рюмку.

Вино попало меж зубов; так сладко заломило в деснах... Ты любила «Старый замок»... Однажды ночью я из-под земли достал бутылку, и мы забрались на чердак общежития для безумств...

...да, Маргарита, да... Сегодня я мог бы заказать музыкантам все песни, что тебе нравились, все мелодии, что участливыми губами дуют на увлажненное алкоголем бобо...

А на улице выпал снег. На крыше зашевелились кошки, и он посыпался оттуда — розовый, голубой и бледный. Он побледнел от холода... нет, он был бесцветный, просто, когда он летел с крыши, его освещали розовые, голубые и бледные окна ресторана «Бес».

Подруга витражных мастеров изрядно нахлесталась. Она посматривала: чего бы такое выкинуть?

Ее внимание привлек Лопух. Что ж! Она отправилась к Лопуху.

— Вы танцуете?

— Я?

— Да.

Она стала танцевать. И именинница была несколько озадачена легкостью Лопуха. Она забыла, что хотела подшутить над ним.

Раз... Раз-два-три...

Маргарита любила вальс...

Лопух любит «Бенедиктин»...

Птицы любят глазного врача...

И пробило десять...

... знает Симона Изжигаяева?

Его бережно вытаскивали из автомобиля. Раззолоченная женщина терпеливо ждала, когда спина Симона просунется в дверцу. Она зря этого ждала: три акробата выхватили ее из другой дверцы.

Директор ресторана метался вдоль банкетного стола:

— Горчицы, горчицы нет, сволочи!

Он попрыгал на Изжигаяевском кресле:

— Жестковато, а? И свет, вроде... он розовый ведь любит, а?..

Директор бросился к балкону и наполовину свесился к музыкантам:

— Не забыли? «Дует, дует...» не забыли?!

Он хрипло пропел:

— Дует, дует ветерок... Ага! Ага, — это когда он горячее съест! И вроде бы невзначай!

— Салют! Боже мой! Мишка, беги к пиротехникам!

Мишка, забыв про недоступную оранжерею, неся в подвал к пиротехникам.

Его бакенбарды седыми крыльями веяли над вспотевшей ливреей...

Глава 5

...дважды подходил к Изжигаяеву. Первый раз Лопуху почудилось, что акробат слева что-то заподозрил. Второй раз — что сам Изжигаяев глянул на него злобно и с умешкой.

— Симон — прелесть! Когда меня привели к нему, я ожидала ни больше ни меньше как смерти. А он, веселый такой, подает мне стакан вина и говорит: «Выпей вина и пойдиди к ним, и скажи, до чего они тебя довели... Скажи и не верь больше: брехня все!» Тут я и расплакалась...

Лопух посмотрел на часы. Уже тридцать минут он безуспешно кружил вокруг Изжигаяева.

Оркестр, подпрыгивая, свистел «Дует, дует ветерок». Пусть дует. Вот если подойти сзади, откуда выпрыгивают официанты, чего-то и выйдет. А?

...за тем официантом. Он толстый, и меня он закроет полностью...

Алиса ломала слюду халвы...

— Знаете, она недоразвитая. Когда была выставка, она подошла к «Саду желаний» и поставила двойку!

— Но ведь Симон приказал переправить на тройку?!

— Сплетни! Я сам видел, как мазилы валяются у нее в ногах!

— А ноги! Господа! Какие у нее ноги! Когда была коронация, меньше смотрели на Симона, а все на ее ноги!

Лопух не смотрел на ноги Изжигаевой Алисы. Оставалось шага три. Он взвел курок...

— Что вам?! — крикнул Изжигаев. Он повернулся к Лопуху вместе со своей тарелкой.

— А вот тебе!

Лопух выстрелил! Нет, он бы выстрелил, если бы его не схватили за руку.

— На! — заорал Лопух; свободной рукой он выхватил у Изжигаева вилку и всадил ему прямо в сердце.

Лопух замахнулся еще раз, но тут его самого ударили — и он упал под стол.

Последнее — это он увидел бьющиеся, агонизирующие ноги Изжигаева, и они пинали другие, изысканные ноги, и царапали, и рвали на них чулки фирмы «Коти»...

— Эгей! Дима! Хватит вам целоваться! Тебе посылка.

— От кого?

— Бродяга прислал брюки. А мне пиджачок. Ничего, да?

— Ничего... но я ума не приложу, от кого бы это? И что, разве теперь осень?

— Ага!..

Да, действительно, была осень. Старуха Жидова нашла Бродягу на прежнем месте.

Она молча протянула ему альбом с фотографиями...

Бродяга вздохнул. Погладил мягкие корочки. Но что же? — отправил в костер.

Спите, дети.

*Да будет вашей страной страна
Весны, тишины и любви.*

Июль — август 1978 г.

Остров Трупинского

(Повесть)

Глава 1

За Димой гналась собака. Это была бешеная собака, потому что изо рта у нее брызгала пена. Как страшно!

— Догонит! Разорвет меня!

Упал...

— Позвольте?!

— Нет! — Дима снова бежал. Сильнее, чем собачья пена, из его глаз брызнули слезы: всю-то жизнь!..

Он родился в женском туалете. Хлором пахнет: мать вынесла его, завернутого в туалетную бумагу.

...Стой! Остановись! К черту пустая беготня? Пятнадцатый квартал. И возле магазина «Цветы» есть телефонная будка... И на улице Кабова... Дурак...

...вечер поэзии люсипристов. Читали волшебно, читали Непочатова, потом Ларису Шлакону — все звездное. И, видно, так читали, что у Димы от восторга повысилась температура. Бутылка «Вермута» перегрелась в кармане его пиджака... Тра-рах!! Бутылка взорвалась!

— Мое платье! О-о-о! О-о-о!

— Ухо! Ухо!

Кавалеры начали давать Диме в морду. Чтец кричал со сцены и умолял прекратить звериное движение...

Собака выла. Собака и Дима неслись, споткнулись, отдышались и опять бежали к площади глупых Желаний.

Первый снежок... Базилио равнодушно глянул на них с карниза над окном ресторана «Бос». Он зевнул. Снежок упал на его развратный язычок. Зима? Как летит время!..

Дима с ходу влетел в телефонную будку. Было темно. Он изо всех сил держал дверь. Да здравствуют хулиганы! Они выбили все будкины стекла, и теперь вместо стекол — толстые фанерные листы.

Что-то Диме мешало. Что-то, вроде, и шевелилось еще в телефонной будке. Оно было ниже ростом. Кажись, оно тоже дрожало от страха.

А на улице! Собака прямо кричала. Но бешенство достигло невиданных высот. Она бросалась на будку, чуть не выпрыгивая из себя. Порой она даже умоляла. Это пахло чем-то больше голода...

Да чего там! Собака уже грызла будку. Дима заорал от неестественности этого прогрызания.

— Конец! — орал Дима.

И тр-рахх! Нет, не собака, а это слишком громко зазвонил телефон. Впервые он зазвонил в телефонной будке самостоятельно. Дима сорвал трубку и сообщил про собаку, про то, как страшно, про...

— Что?! Какое «страшно»? Вы готовы к старту?

Диму парализовало.

— Старту? Я не хочу! Я не умею!

— Прекрасно! Даю пуск: четыре, три, два, один — счастливо!

Будка лопнула! Вернее, она была цела, но так показалось. Дико взвыла обозленная собака; вытье ее сделалось где-то там-там, где-то внизу...

Будка летела.

Впрочем, она летела довольно спокойно.

О, если бы все на свете было спокойно так, как летящая телефонная будка!..

Интересно бы узнать, с кем это Дима летает? Что представляет из себя то, что было пониже ростом и визжало от страха?

Во-первых, оно источало запах «Пиковой дамы». Во-вторых, оно по-женски всхлипывало, но Дима не мог этого слышать, потому что его голова была зажата чьими-то коленями как раз по линии ушей.

Довольно сильные руки вытолкнули Димино голову.

— Кто вы такой? Кто вы такой?

— Кто я такой!..

Кто я такой? Это... Дима уперся ногами в дверь — дверь открылась. Ветер шумно бросился в будку, но до того она тесна — заматерился и высочил наружу.

— Я Дима! — сказал Дима.

— Я Света! — сказала девушка.

Дима поправил на ней задрванное платье.

— Ты што?!

— Я тебе платье поправил, — испуганно сказал Дима.

— Сон! Это, наверное, сон! — крикнула девушка и ущипнула себя за толстую ножку.

— Ни фиги не сон, — пробормотал Базилио, поглаживая на своем карнизе генеральскую кошку. — Вот как врежетесь!

Кар-р-р! Будка протаранила ворону. К левой щеке Димы прилип кусок отличного голландского сыру.

— Хочешь?

Она, конечно, хотела. Она и съела все с большим аппетитом...

— А я вот не люблю сыр... Все кажется, что это расфасованные части из паноптикума восковых фигур... Там, в паноптикуме, стоят они: Бегемот, фрау Грубах, Лопух... И приходит человек в красной накидке... И фасует, и ест...

— А-ха-ха! — девушка заплакала. — Какой смешной сон! И вчера я на работу опоздала (Сашка утром не отпустил), и сегодня... Сегодня-то што? Седьмое? Гертруда Виолетовна точно пистон вставит...

— А мне... кажется, что ничего тебе никуда не вставят! Потому что, мне кажется... Тебе, Света, не кажется?

«Кажется!» Чему там казаться — будка падала! Небо сделалось меньше. Вокруг свистело.

— Света! Мы падаем! А, Света?!

Они падали. Действительно и быстро, и — в море, такое синее, фиолетовое, а значит, глубокое.

— Я плавать умею! — кричала Света. Она скинула платье и делала резкие движения — она разминалась.

— А я не умею, — прошептал Дима и застегнулся на все пуговицы.

Тр-ра-хх!

Будка шлепнулась!

Будка шлепнулась не в море — в какой-то песок. Все фанерки отпали, а дверь вообще оторвалась и вылетела к чертовой матери, да не одна: за нее, как за родную, уцепился Дима, а Света осталась в будке: Света выпучила глаза и сидела по-татарски в одном белье. Добро пожаловать!

— Ур-ра-а! Прилетели! Добро пожаловать на наш остров! — кричал молодой атлетический человек, который бежал к Диме изво всех сил.

— А где женщина? Ага! Выходи, выходи, красавица! Ишь, бельишко у тебя...

Он почему-то открыл Светкин рот и внимательно осмотрел зубы. Он ткнул Диму в живот, Дима чуть не заорал.

— Легонький! Это хорошо, это по мне. И мордой недурен! Это по мне... Ну, лады! Сейчас и расправлюсь с двумя пораженцами, а там уж и познакомимся как следует — вспрыснем прибытие на наш замечательный...

Недалеко от упавшей будки торчала еще одна, точно такая же, но, видимо, та упала много раньше. Она вся проржавела, особенно где ее погрызла собака. А и собака была тут же! Та самая, страшная, собака. Дима пошатнулся, представив, как она раскроила бы ему живот, хотя он и не японец.

Возле той будки стояли двое: он и она. Оба плакали и твердили:

— Все равно нет, нет, нет!

— За что их?! — воскликнул Дима.

Трупинский (молодого атлета звали Трупинский) обернулся к едва сдерживающей собаке:

— Ну-ка, Флора, изменников искусства — фас!

Собака Флора бешено бросилась на несчастных. Те кричали, спасая друг друга...

— Вот так будет со всеми пораженцами! Но вы-то не такие! Могу ли я положиться на вас, друзья? Могу ли я быть уверен в том, что пьеса Трупинского-старшего (он едва сдержал слезы) будет сыграна с блеском, какого она заслуживает?

Он уже не сдержался, заплакал и показал рукой:

— Вон его памятник... Там лежит мой главный брат...

В центре острова торчал омерзительный железный монумент в образе голого человека века. Железный человек мочился на такую же аляповатую железную книгу, открытую там, где были вылиты изречения видных драматургов.

— А вон там, — Трупинский-младший протянул руки к берегу, где вылезло серое железобетонное строение. — Там, друзья, Театр! И во имя этого все мы здесь — на острове Трупинского!

Глава 2.

На острове было утро. Из театра слышался храп Трупинского. Флора бегала по берегу и жрала дохлую рыбу. Солнца еще не было, но для него на небе уже образовалась дыра. Вокруг дыры кружили чайки и облака.

Между ними существовали какие-то свои небесные отношения: облака застенчиво краснели...

А ветерок хлопал покрытием навеса и будил спящих: Диму, Свету, Черного Ворона. Это обыкновенный человек, Черный Ворон. Зовут его Аркаша. Просто в пьесе он играет роль ворона — вот его так и прозвали.

Правда, жизнь его на острове была несколько отличной от остальных: Аркаша жил (исключая время, отведенное для репетиций) в клетке. Это чтобы Флоре было легче за ним следить.

Аркаша все время хотел есть: а кто бы не хотел, если Трупинский посадил его на полную месячную диету (одна вода).

А это — чтобы Аркаша умел летать. Ему приделали оригинальные крылья: всего утыкали перьями. Он было пустился на уловку: как я научусь летать, если все время в клетке?

Глупый! Мы-то знаем, куда бы он полетел: за рыбкой. Пусть летает на репетициях...

...почесывала ноги. Левую и правую... Обе красивые... Весело было вчера! Сильно так напудрились и танцевали все, танцева... Да! Трупинский выглядел так: на голове страшные рыжие волосы длиной в полметра и все торчат. Он бы походил на солнце, если бы не лицо, отдающее стрихнином...

Света тоскливо перепрыгнула взглядом Диму; смотрела на ракушки и на волны, что бросали на берег все новые партии дохлых морских звезд...

Дима тоже проснулся.

И надо же было так напиться вчера! Напился. Упал. А такой был вечер! Светку словно заколдовал кто-то. С моря ли такое, с вина ли... А Дима взял и упал...

— Хочу жрать! — Аркаша просунул сквозь клетку крыло и ткнул Свету.

— Жрать хочу, слышишь, нет?

— Нельзя тебе...

— А хочется! — он испуганно покосился на Флору. — Знаете, не рыбы — хотя бы морской капусты с маргарином... Живот болит...

Вчера производился тренировочный полет. Аркаша несколько раз прыгал с крыши театра. Дима, конечно, не мог бы удержать его в случае падения. Дима страховал внизу; он бегал согласно виражам Аркаши, перетаскивая надувной матрац и банку с йодом. И потому Трупинский поддерживал нового Икара при помощи стальной проволоки, приделанной к Аркашиной спине.

Теперь все лицо Аркаши было намазано йодом. Зеленый идол прилип к железным прутьям; приноживался жадно, покаркивая на Светку — повариху...

— Поняли?!

Трупинский оторвался от текста и злобно всех осмотрел:

— Аркаша, как называется пьеса?

— «Соломенный бычок».

— Ка-акой бычок! Где твоя память, Аркаша? Пьеса называется «Дима и Света, или Буриданов Осел»! И про солому ни фразы! Ну, ничего... Начинай свою роль!

Аркаша беспомощно оглянулся, хотел что-то сказать, но вместо него собственный Аркашин живот проурчал:

— Толченые ракушки на машинном масле — вкусная, питательная пища, не уступающая по калорийности...

Трупинский схватился за голову:

— Я повторяю вам, что в действии участвуют трое: Дима, Света, Господин Черный ворон. Действие происходит на маленьком

острове. Дима любит Свету, но она мертвая... Вот послушайте:

«На острове жили Дима и Света. Остров был маленький. Тихий и теплый. Потому что всегда было лето».

Света лежала ногами к зрительному залу. Вся вымазанная желтым порошком (мертвая), она безразлично водила пальцем по сцене.

«Света была мертвая. Каждое утро Дима чистил ее от песка или назойливых крабов. И говорил: «Любимая!»

И вот сейчас на остров прилетел Черный ворон. Он просит Диму:

— Уважаемый Дима! Продайте мне Свету. У вас будет много денег. И даже останется Лето!..

— Ты почему, Аркаша, валяешься? Что, ноги не держат? — Трупинский в бешенстве ухватил стальную проволоку, приделанную к Аркаше, и перекинул ее через блок так, чтобы можно было Аркашу подтягивать. Ворон, как чучело, повис между Димой и Светой.

— Ты, верно, Аркаша объелся сегодня! Но не думай, я не отступлюсь! Я приделаю к тебе столько проволоки, сколько надо для твоих действий на сцене, и даже для полета! У меня силы хватит! Слушайте дальше:

«Дима не соглашается продать Свету, и между ним и Вороном начинается драка».

— Деритесь!

Дима осторожно толкнул Ворона. Аркаша с неожиданной злобой ударил Диму крылом прямо по носу и сбил с ног.

— Сто-о-п! Ты что это, Дима?! Читаем пьесу:

«Дима почти побеждает, и только в последний момент (Слышите? В последний!) Аркаша наносит ему смертельный удар, но и сам падает в изнеможении».

— Это конец первого акта; потом начинается второй — Буриданов Осел, потому что Ворон начинает сомневаться: кого съесть первым... Но это потом... Драку сначала!

...фейерверк... Дима опять не заметил, как Ворон стукнул его по носу...

— Я не умею драться!

Трупинский взвыл:

— А я умею! Я умею приделывать стальные проволоки к бездарным актерам! Вы у меня заплачете! Флора, проволоки! Да чтоб на обоих хватило!

...равнодушно поливал изречения видных драматургов. В его струю попадали светлячки, и тогда он убивал их, бросая на железные страницы. Потухающие трупы составляли многоточия после каждой фразы...

Дима удивленно смотрел на голую Свету. Луна отражалась в ее прохладном животе; луна высветила эстетический ореол вокруг Светинового пупка. Женская Светкина грудь указывала своими помятыми ворсинками на созвездие Скорпиона...

Скорпион сонно жалил вселенную. Капли его яда трагически летели в море.

Это были падающие звезды...

Это были падающие желания...

Глава 3.

— Мы поедem на фестиваль. Мы обязаны вырвать Золотой Приз!

Трупинский-младший

Репетиция второго акта.

Буриданов Осел.

На сцене два трупа: Дима и Света. Ворон устал. Он сидит посередине в размышлении.

— *Редко везет так, как сегодня!*

Целых два трупа:

Дима и Света.

Это подарок господний!

Но так я устал

И солнце так ярко...

Пожалуй что лучше немного вздремнуть

В предвкушении подарка...

Ворон храпит. Ветер шевелит его перья и делает английские проборы.

Ворон чихает и просыпается.

— *Боже мой! Кажется, я простыл*

Я болен, я голоден

Хотелось бы подкрепиться

Или бы надо чаю с вареньем

Или перцовочки...

Как хочется выпить! Потому что всю ночь был дождь; он тушил твои сигареты, а ты говорила, что это я плохо даю тебе прикурить... Как могла ты так говорить? Ты меня, видно, совсем не любила...

Света сделала из ладоней бинокль и посмотрела на Диму так, что он сделался маленький...

— *Если так:*

Света давненько померла

И потом она — Света!

Но какой же дурак начинает с десерта!

Отсюда

Следует простейший вывод —

Съем-ка я Диму!

Ворон принюхивается к Диме. Запах не нравится, Ворон с отвращением ворчит:

— *Что за ерунда!*

Этот Дима и не думал разлагаться

Может статься

И завтра такая же ситуация

Будь все проклято!..

Аркаша мучился запором. Это он сошел с ума, и ему примерещилось, что он объелся толченых ракушек.

— Вот сука! — кричал Аркаша. — Да ну жо, ы-ы-ы!

Он всплакнул. Ракушки с фантастическим упорством не покидали прямую кишку. Аркаша пытался помочь пальцем, но произошло несчастье: кишечник схватил палец и стал засасывать внутрь.

— Отдай! Отдай! — вопил Аркаша.

— На-а!! — гаркнуло что-то на весь остров...

— *Придется отведать...*

Но как я продрог

и нету сил оторвать ни кусочка

Быть может, до завтра?

Пригреет солнышко —

Все будет мягкое...

Наступила холодная ночь, а потом утро. Ворон снова засомневался:

— *Какая жара!*
Пожалуй, что Дима стал интересней.
Что может быть прелестней...
Правда, вот нет
Сил, чтоб доползти до Димы.
Но ради такого наслаждения
Я поползу...

...развевал его волосы... Если взять павлина, облить соляжкой и поджечь — точно выйдет башка Трупинского. Волосы трещали от электричества. Было ясно, что прикоснуться к ним нельзя: убьет! Трупинский подставил рожу водяной струе. Однако же он с явной насмешкой посмотрел на своего железного братца:

— Скоро... мы посмотрим, чего все это стоит!..

Вдруг он прищурился и спросил:

— А потом? Или коль скоро мы получим Золотой Приз, дети получают его нескоро?

А из черного воздуха совсем запросто вышла Света. Она молча уселась на корточках перед Трупинским.

Дима даже не удивился, когда она, словно виноватая, поцеловала руку своего божества...

— *Проклятье!*
Совсем позабыто,
Что я проклянул Диме голову
Все
Жидкости вытекли!
Он весь иссох...
Нечего есть... какая сволочь
Посоветовала мне ползти к Диме...

Ворон заплакал. У него выпали все перья. Отвратительно голый и худой, он пытался ползти к Свете. Все бесполезно. Ворон бьется в предсмертной агонии.

— *Где человечность?*
Где логика? Все
Ложь и коварство!
Спасите! На помощь!
Я задыхаюсь...
Ужасным сомнением давит и ложет
И губит мне грудь...

Все...
Мне не страшно
Ни Димы... ни Светы...
Ни теплоты,
Ни хотя бы полтрупика
Кар-р-р, не вернусь!

— Шампанского!

Трупинский швырнул бокал о голову Флоры...

Ах! Радостная минутка:

Дима вспомнил, как хорошо было у ЦУМа. Там по-настоящему хорошо! Иноземцы продают цветы. Запах цветов летит к витринам, и манекены тянутся к нему сквозь стекло. Внутри ЦУМа прохладно. Красивые продавщицы. А напротив — сквер. Дима сидит на лавочке и пьет бархатное пиво. А солнце... Оно пересчитывает грани пивной кружки — это единственно приятная математика... Неужели мы поедем на Фестиваль?

... шваркнул бокал о голову Флоры.

— Друзья! Настал долгожданный и памятный для нас день. Я с удовольствием сообщаю вам, что сегодня же мы отправляемся на Фестиваль. Нет слов, чтобы выразить мою признательность и благодарность всем тем, кто на благо Искусства отдал совершенно все свои силы и разум. Да здравствует искусство! Ура!

— Смотри-ка, летит! — Базилио прищурил свои антиворобьиные глаза...

Летели две телефонные будки.

В одной поместился Трупинский, Света и стальная проволока.

В другой — Дима, Ворон и декорации.

Флора, как всегда, перемещалась каким-то своим непонятным способом.

Ура!

Глава 4.

Город. Вечер. Квартира Вани (он когда-то пьянствовал с Димой). Ваня щелкал зажигалкой. Он хотел зажечь плитку. Плита не зажигалась. Наверное, зажигалка испортилась. Ваня открыл шкафчик над умывальником и достал оттуда отвертку. Он развинтил за-

жагалку и посмотрел — отчего она не работает? Ваня поставил новый кремь и пошел к плите. Тут он вспомнил, что не собрал зажигалку. К несчастью, он забыл, что ее разбирали.

Ваня опечалился и сел на табуретку. По стене полз таракан. Ване захотелось его убить.

Жена Вани мыла пол. В комнате плакал сын Вани. Он так плакал, потому что хотел есть или у него снова опрело за ушками. Жену Вани звали Катя.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Ваня (он вспомнил, что сегодня еще ни разу не смеялся).

Его смех напомнил Кате, что у нее в 1978 году будет день рождения, и она тоже рассмеялась:

— Ха-ха-ха!

Ваня подумал, что это он ее развеселил, и засмеялся от радости:

— Ха-ха-ха!

Жена решила поддержать Ваню:

— Ха!

Ваня обрадовался, что Катя поддержала его, вышел из кухни, подошел к Кате, заглянул ей в лицо и засмеялся:

— Ха-ха-ха!

Ребенок тоже захотел посмеяться, растянул рожу, но у него очень зачесалось за ушками, и он заплакал...

Тяжело дышал... он задыхался... Все вышло совершенно случайно; не так, как было задумано... Первая телефонная будка приземлилась удачно — прямо возле гостиницы. А вот вторая, где летели Черный ворон и Дима, врезалась в дом на улице Жабова.

Ворон-то спланировал! А Дима перелетел от удара через крышу и шлепнулся в какой-то газон...

Первым спохватился Трупинский:

— Измена! Великое дело в опасности!

— А ты где был? Вот тебе! Вот, вот, вот! — Трупинский как следует отколотил Аркашу.

Флора все поняла. Ей не надо было приказывать. Она учуяла след и бросилась в погоню...

Дима удрал!

А куда он удрал и куда он бежит?

К Ване. Потому что Ваня — его лучший друг.

Ваня шарил в холодильнике. Он искал водки, выпил рюмку и стал смотреть в окно.

Там был город. Вечер. Кошки только просыпались. Уставшие от дождя водосточные трубы замерзли, как исполинские пиявки на теле домов. Птицы проклинали свою голодную свободу. Один воробей обнаружил себя (проклятый Базилио!) без хвоста. Он приделал фантик от конфеты «Кис-кис».

Пиявки с цинковой невозмутимостью смотрели на его кондитерский полет... Ваня прослезился. Ему стало жаль Кати. Он открыл дверь в ванную и нежно позвал жену. Катя оторвалась от стирки и повернула к Ване свое потное и злое лицо.

Ваня отшатнулся. Он опять пошел на кухню, выпил водки, сел на табуретку и опять начал смотреть в окно...

Просыпались кошки. Удивленный Базилио обнаружил себя в постели уборщицы — Муськи. У нее, пожалуй, и опохмелиться-то нечем!

Он с сожалением вспомнил свой холодильник, где еще с прошлого Фестиваля хранилась бутылочка валерианки. Конечно, все кошки бредят несравненным Базилио! А как он поет! Особенно котировалось его потрясающее танго из фильма ужасов «Собачья пасть»...

...постирала все белье, посмотрела на себя в зеркало, улыбнулась печально и подумала:

— Наверное, Ваня сидит сейчас на кухне и смотрит в окно. А я зайду так тихонько, обниму и поцелую...

Катя пошла на кухню. Ваня сидел и смотрел в окно. Катя хотела поцеловать Ваню, но он грубо оттолкнул ее и опять стал смотреть в окно.

Катя заплакала.

Наконец-то они обнялись! Так хотелось прошлого, хорошего! Да что там, хотелось в ресторан!

— А что, и пойдём! — воскликнул Ваня.

— И пойдём! — вскрикнула Катя.

— Возьмем и пойдём! — подзадоривал Ваня.

— И деньги пропьем! — кричала Катя.

И так они раскричались, что ребенок тоже закричал. Тс-сс-с!

— Нельзя! — прошептала Катя и показала на сыночка.

— Завтра сходим! — прошептал Ваня. Он знал, что теща дала Кате на Пасху самогону, а то бы, может, он и пошел в ресторан.

— Только уж если, Катя, сегодня у нас так по-человечески, давай-ка выпьем самогону!

— Давай! — обрадовалась Катя.

Как она обрадовалась! Как она обра... Проклятье! И надо же было кому-то, совершенно некстати, именно в эту радостную минуту, позвонить в их квартиру!

— Твою мать! — заорал Ваня. — Кого это принесло?

— Дзи-и-инь! — Дима позвонил еще раз.

— Что за наглость! И бывают же такие люди! Видят, что им не открывают, так нет, надо специально звонить и звонить... Я уверен, что это кто-нибудь из твоей родни! Они все у тебя там такие!

— Дзи-и-инь!

— Нет, я точно сейчас... Ну кто это может быть?

— А ты, Ваня, не открывай!

— Тс-сс!.. не откроем!..

— Не откроем!..

И они не открыли...

Шел дождь. Дима стоял в подъезде и громко кашлял. От этого из одной двери выскочил неврастеник. Он разорался, что ему мешают работать (он топил в ванной котят) и пригрозил вызвать полицию...

...холодно так было... На улице Кабова потух фонарь: старая лампочка треснула от одиночества.

Уже нельзя было различить афиши, что приглашали на творческий вечер поэта Вани. Все знают его знаменитое стихотворение «Слепой, среди помоев я прежде» и поэму «Дети папы Карло».

На газоне умирала старая кошка.

От старости сморщились мозги — там сделалось много извилин; она умирала, упиваясь гениальностью. Она монотонно твердила:

— ...весна, тишина... весна, тишина...

Базилио закрыл ей глаза.

— Вот... Так вот... Лучшие кошки уходят от нас...

Дима сидел на лавочке в сквере. Хотелось есть. Сквер-то сквер, а воздух был совсем не свежий: что-то горело.

Разочарованный художник сжигал свои картины. Он больше не станет рисовать. Его пригласили работать грузчиком в рыбный магазин.

Художник вялил свои картины. Они беспомощно хлопали жабрами и трещали облупившейся чешуей.

Ужасное утро!

По аллее совершенно спокойно шли два полицейских. Они устали на Диму. Они стояли возле скамейки и курили.

Дима заплакал:

— Ну что же? Я арестован?

Полицейские перемигнулись и ничего не отвечали. Так же тихо и спокойно позади лавочки сидела Флора.

Художник вялил свою рыбу...

Подъехал автомобиль.

Из автомобиля вышел Трупинский.

Глава 5.

Фестиваль.

Театр Ляхова. Фойе.

— Я всегда говорила, что искусство — это красота, это...

— Какая? Какая красота? Я трубочист, я часто видел красивое оттуда, с крыши... где ветер...

— Где воздушные отпечатки старых листьев, и мертвенного дыма, и осени... Я так и думала!

— И я плакал...; я понимаю толк в трубах, но я...

Трубочиста дернули за руку:

— В трубах? Господа! — оратор зарыдал; он упал на плечо трубочиста.

— Вот для кого... Вот... Я завтра же нарисую вам отличную трубу! Позвольте вас расцеловать!

...сидел в оркестровой. Невроз дал ему жару — от жару вспотело все лицо.

Трупинский обмахивался веером; все его рыло сделалось в пуху...

— Искусство — это когда вот этак поднатужишься, подпружишься; вот-вот лопнет, вот-вот...

— Дайте ему туалетной бумаги!

— А я была вчера в баллоне, так все плакала! И так я плакала... И домой пришла вся заплаканная; легла спать и снова всплакнула...

— Ха-ха! Потому что лисюпристы пользуются красками на чесноке!

— Пошляк!

— Верую! Верую!

Началась потасовка.

Трах! Бах! Изодранная дама накинула бюстгальтер на головы двух снобов, застегнула, дала пинка — кувыркайтесь! Женские оплеухи перепутались в мужских рылах.

Хр-р-р-р! — съездили по зубам литературному критику. Он бросился в туалет с воплями: «Обнаружено! Обнаружено!»

— Что?! Кусаться! — Базилио вцепился в чью-то рожу.

— Полундр-ра!!

Один испанец натравил быка. Испанский бык рванулся к филологам, но не тут-то было! Навстречу ему выскочила Глокая Куздра и уж так его будланула, что и карамбы не осталось!

...перебирал стальные проволоочки. Он проверил, насколько покорны ему Черный Ворон и Дима. Дима послушно двигал руками и ногами в зависимости от того, какую проволоку дергал Трупинский. Ворон угрюмо чистил перья, странно поглядывая на Свету. До начала оставалось две минуты...

— Господа! Третий звонок!..

Бархат занавеса полетел влево и вправо. Трупинский, как дирижер, как паук, взмахнул руками — Дима жалобно запричитал:

— На острове жили Дима и Света.

Дима видел мокрое лицо Трупинского, и там, позади его лица, полный зал дерущейся публики. Одно лишь авторитетное жюри не дралось — оно ограничивалось легким шипением и тычками...

— Остров был маленький. Тихий и теплый. Потому что всегда было лето...

Драка продолжалась.

Молоденький талант скрутил фигу, показывая ее всем по очереди, выкрикивая:

— Опа! Оп-па!

Ему дали в глаз. Он перестал кричать «Опа!», да если бы он и продолжал кричать, все равно бы его не услышали, потому что громче всех на этот раз кричал Дима.

Дима кричал от ужаса.

Трупинского парализовало: совсем не по сценарию и совсем незаметно появился Черный Ворон. Трупинский пытался остановить его, но проволока лишь визжала, а Ворон с тупой устремленностью приближался к Диме и Свете; вернее, прямо к Свете.

Он бормотал что-то про соусы и приправы, страшно тряс головой... не ел я... месяц не кушал... все быстрее и быстрее приближался он к Свете своими грязными ногами...

— Назад! Назад-ад. Сволочь! — орал Трупинский. Он из последних сил ухватился за проволоку и почти уже готов был зарыдать.

— Флора! Флора! Помоги-и!! — из его глаз брызнули слезы.

Флора в бешенстве металась вокруг аттра. Испуганные пожарники отгоняли ее баграми и палками. Ну что же она могла сделать!?

Аркаша страшно каркнул, взмахнул огромными крыльями и бросился на Свету. Та заорала: он вцепился ей в горло. Публика вопила:

— Bravo! Bravo! Bravo!!!

Член жюри Матвей обернулся к Шлаковой и восторженно прошептал:

— Какая дрессура!

— Кому же достался Золотой Приз?

— Не знаю. Во всяком случае, не трупинцам. Но они получили приз зрителей!

— Кто — «они»?

— Ну, Черный Ворон, Света... Правда, Ворон долго не мог отъесться. Еще он трижды ходил в больницу к Свете, даже с цветами!

— А что Дима?

— Исчез... Его никто не видел после спектакля.

— А Трупинский?

— А что с ним делается?..

Лето

Сказка, ее рассказал Бродяга

Первое

«Посетителям больницы №13 категорически воспрещается:

А) приходить в больницу до времени, не указанного расписанием

Б) находиться в палатах без спецодежды (халатов)

В) приносить алкогольные напитки, продукты, не соответствующие диете и т.д.

Г) особенно категорически воспрещается приносить цветы».

Пункт «Г» поразил Диму. Как ни был он болен, и все-таки сразу спросил у санитаров:

— Почему цветы? Зима же ведь, и так понятно, если принесут розы, или фиалки... А?..

Санитары испуганно переглянулись, зашикали, заморгали и замахали руками.

— Что ты! Что ты! Услышал бы Главный Врач — враз бы выгнал, и лечить бы не стал. Что ты!

— Да температура у него! — прорычала неопрятная, жирная медсестра.

— В бокс его!

И Диму тотчас поместили в бокс. Собственно, бокс представлял собой угол в коридоре. Этот угол был отгорожен ширмой, а она как раз вся была сплошь цветастая. Тут и розы, и фиалки... Тут и дыра — в дыре Дима увидел женское лицо. Оно посмотрело на Диму весьма участливо и пропало.

Дима стал болеть. Хотелось плакать, потому что никто не приходил и ничего не приносил. Пахло спиртом, таблетками и жареной картошкой. Из дальнего конца раздавались ужасные вопли, и, вроде, что-то отпиливали.

Одному принесли мандарины — тот обрадовался и начал их есть. Он ел их вместе с кожурой. У Димы потекли слюни, да на-

прасно: тот был жадный, а Диме не принесли, потому что он сирота...

Напрасно! Напрасно Дима так думает! Помните, он тогда... он сквозь ширму увидел женское лицо? И оно на Диму смотрело весьма участливо? Так вот, это была девушка, конечно, очень красивая, вот больная...

Ее звали Света... она любит цветы, а Дима не знал, что она совсем при смерти, но все равно ходит к этой ширме, чтобы посмотреть на фиалки и розы...

— У тебя хорошая болезнь, и ты будешь долго жить... Ты не обращай внимания на уколы.

На живот!

— Зачем на живот? Я хочу мандаринку!

— На живот! — приказала еще раз жирная медсестра. Диме показалось, что это вовсе даже мужик, до того были толсты и корявы ее руки. Там сверкал потрясающий шприц. Из его буратиного носа капало черное, как мазут; оно пугающе воняло... она ухватила Диму за трусы... от ее когтей остались царапины... он в ужасе прикрыл зад ладонями...

— Тсс-с... Тише, тише, мальчик! Ты что, без премии меня хочешь оставить?

Она сунула ему за щеку кусок сахара.

— На вот! На... На...

Ее жирный кулак тыкал Диму в затылок...

— Ты не обращай внимания на уколы. У тебя такое хорошее место! У тебя такая чудесная ширма! Наверное, ее сделали летом...

Дима вытянул к девушке лицо, а что говорить, не знал. А что-то надо было... А девушка медленно моргала глазами, и она прислонилась лицом к ширме, словно хотела унести на щеках отпечаток фиалок и роз. Нет, ей было просто трудно стоять...

— Я принесла тебе мандарин! — ее рука пролезла в дыру. Да... Конечно... Дима

схватил Девушкину ладонь и начал есть с руки, как дрессированный зверь. Она трогала пальцами его подбородок.

— У-у-ах-х!! А-а-а-а!! — раздался страшный вопль из палаты смертников. Умиравший уставился на живых и зарыдал от злобы. Глаза его были уже стеклянные, а слезы живые... Света зажмурилась, как если бы ей ткнули в шею иголкой... лето... лето... я проклинал пробуждение: оно как профессиональный убийца появлялось из-за угла под руку с не тем солнцем... я помню тебя...

Все теплое, тихое...

Все забыто-прекрасное...

Все запах помады возлюбленной школьницы... сонная оранжерея... сад... сад...

Света зажмурилась, как если бы ей ткнули в шею иголкой...

Наверное, это началось, когда Дима ходил на кварц. По ошибке он залетел не в ту кабину, а там лежала девушка, и глаза ее были закрыты черным. Лучи кварца ползали по ее худому телу. Вся она была неестественно живая, и Дима с удовольствием смотрел на это. Это была она...

Или же тогда, помните, у пивной! Она стояла с трехлитровой банкой в очереди среди алкоголиков... Ей стыдно... Ее отец тоже алкоголик... Он бил ее мать. Но так ведь нельзя! Нет, нет... Это была не Света...

Она просто сидела напротив в электричке. Окно открыто. Ветер забросил шальную бабочку в Светины волосы. Света смеется и освобождает пленницу, а потом эту бабочку поймал натуралист и долго удивлялся, что от насекомого пахнет девчонкой...

На острове жили Дима и Света

Остров был маленький

Тихий и теплый

Потому что всегда было лето...

Лета не было. Наступил май, а улица вся была в снегу. В палатах усиленно брызгали хвойным экстрактом, как приказал главврач (сам он ходил в костюме Деда Мороза), от этого возвращался Новый год.

Везде повесили объявления «У нас не пьют» и «К нам цветы не приносят».

Дима же извернулся. Он понастряпал бумажных фиалок и тайком от персонала пробирался к Свете. Было много радости... Только вот стала она совсем сухой, и все вздыхала, что если бы достать живых цветов, то стало бы лучше. А Дима и так это видел. Но больница строго охранялась, да еще главврач приказал обыскивать посетителей.

Даже на водку смотрели сквозь пальцы, но чтоб живые цветы...

Знаешь, Дима! Я помню лето. Оно ведь прекрасное, правда? Мне кажется, что мы уже там были... И вроде, на поляне мы играли знаешь во что? В теннис! И ты был в костюмчике цвета индиго. Неподалеку был дом. Оттуда пахло вареной курицей — это готовила моя мама. А еще мы с ней садились вечером на диван. Работал телевизор — просто так, чтобы уютно... Ты курил вкусные папиросы...

...как смеется любимая...

...как смотрит любимая...

...как в темный подъезд сквозь нее летит солнце, когда она открывает дверь...

— Вот, пожалуйста! Я взял сок незабудок, яблок, все это размешал в шампанском и получилось великолепно!

— Дай-ка я пивну!

— Что ты, это же краски! Я ими буду писать твой портрет!

— Зачем?

— Для красоты. Ты очень красивая!

— Да, красивая, — сказал Бродяга. Он подошел к Диме и Свете. В руках у Бродяги было крылышко стрекозы. И бокал шампанского. Он угостил и Диму, и Свету, и они все троим пошли на Весеннюю Поляну.

Там было много людей. Они показывали друг другу картины. Одни картины люди хвалили, а другие ругали.

— Эта картина мне нравится! Вот на ней женщина, а вокруг летают какие-то, и у них в руках звезды. Правда, красиво, а?

— Как уродливо! — думал Главный Врач. (Он едва опомнился после того, как летел по воздуху и еле выплюнул изо рта лепестки. Один лепесток так и остался под языком.

Лепесток был вкусным и таял, словно бы леденец, и Главный Врач не выплевывал его.)

— А я нарисовал алкоголиков. Они в луже. Посмотрите, как я хорошо нарисовал лужу, и калоши я хорошо нарисовал!

— Верно, верно! Твои калоши голубые и холодные; будто мороженые сливы, а вот пьяниц ты изобразил плохо, потому что у них не такие глаза; у них глаза, как у кроликов!

— Кто это тебе сказал?

— Мой новый друг. Его зовут Александр, и он появился у нас в 1921 году.

...моя картина пахнет ромашками. Посмотрите на мои ромашки... Если на них гадать, то всегда получится «любит»...

Лета не было. Потом ночью кто-то спокойно и страшно позвал Диму. Забегал персонал, а Дима схватился за сердце и все боялся встать.

И он понял: на нем вместо одеяла был халат Светы, и, вроде, в крови...

— Нет! — закричал Дима...

— Не-ет! — закричал Дима...

Он плясал и плакал на месте и ничего не делал... Света... Страшной ли, мертвой ли, ты всегда в стране весны... и там куча не мертвых цветов... и там ничего не отнимут... и там целая оранжерея... сад... сад...

На острове жили Дима и Света

Остров был маленький

Тихий и теплый

Потому что всегда было лето...

Только теперь Дима понял, что если хоть завтра не достанет живых цветов — Света совсем умрет.

Ему необходимо удрать и достать живых цветов!

Второе

Вся больница №13 шумела и кричала, будто началась война. Посередине коридора между объявлениями «У нас не пьют» и «К нам цветы не приносят» приклеили еще одно:

«Молния! Молния! Больной Дима совершил злокачественный побег! Кроме того, больной напрочь обокрал нашего рентгенолога Васю (украд штаны). Всем, кто может предположить местонахождение злодея, просьба и даже приказ тотчас сообщить администрации!»

А Дима действительно удрал. Теперь он прятался за углом аптеки на улице Жабова и внимательно присматривался к витрине магазина напротив.

Тот магазин весь сверкал и кривлялся, а более всего вывеской «Цветы». Немаловажным украшением его был и полицейский, что расхаживал вдоль витрины.

Дело табак...

И еще хуже: неожиданно и гадко Дима почувствовал какое-то прикосновение к своему исколотому заду. Это бугай вдвое больше полицейского тыкал коленом в Димин зад.

Маньяк!.. Теперь уж точно хана...

Бугай, не проявляя особой агрессии, взял Диму за шиворот и поволок в подворотню.

— Что, пацан, от Кровавого?

— Какого Кровавого?!

— Не шали! Захотели все цветочки заграбастать! На ювелирном накололи, дак теперь и тут хотите парис отгрызть? Не-е... Придется в долю!

Дима перепугался. Походило на то, что его приняли за члена конкурирующей банды.

И походило на то, что его могут даже резать. А что делать?

Коли рядом был бы Бродяга, он наверняка посоветовал бы что-нибудь. Ну, например, можно прикинуться и в действительности членом конкурирующей банды. Всплакнуть, перепугаться, наврать...

Иначе ни цветов, ни вообще ничего...

Решено — вперед! Вскоре собралась вся шайка. Главарем ее оказался тощий мелкий старикашка с огромным наганом в полевой сумке.

Ребята сунулись в одну из квартир, чьи окна выходили на «Цветы».

— Итак! Глист и Кислый Бэдо заходят с левой стороны, только держатся ближе к садику. Шпала и Альфред — к черному ходу; остальные со мной. Как только щенок подойдет к фараону — сигнал!

Щенком главарь назвал Диму. А задача была такая: подойти к полицейскому с печальной рожей и заявить, что меня, мол, обокрали и стоят в подворотне, вещички примеряют.

Предстояло идти нагишом.

Дали выпить. Печально было снимать штаны, так удачно украденные у рентгенолога Васи.

Бандиты стеной (все в черных плащах) окружили голого Диму, и он стоял среди них, как больная, одинокая креветка, брошенная на дно чугунного котла...

*Раз, два, три, четыре, пять.
Вышла банда погулять.*

Дима чуть не отморозил ухо, когда стоял в подворотне и ждал условного пинка под зад. От слабости он прислонился лицом к стене. Ухо решило, что нет никакой разницы, где торчать — на этой стене или на голове Димы. Ухо примерзло к стене.

Из чувства жалости Кислый Бэдо (он следил за Димой) помочился направленной струей на злосчастное ухо.

Дима с благодарностью обернул к Бэдо свою улыбку, и как раз тут получил пинок поразительной точности и силы.

Он вылетел прямо к Фараону.

— Дяденька! Родной! Меня обокрали... Там вон... Вон там... Примеряют!

Полицейский недоверчиво окинул голого пацана злым взглядом. Дима приплясывал перед ним. Его жалкие па подтверждали ограбление.

— Меня обокрали! Да! Да! Спасите!

Полицейский медленно направился к служебному телефону.

Как только он поднял трубку, на его темечко упал рюкзак с кирпичами, брошенный с крыши меткой рукой Кислого Бэдо. Вот последние слова честного фараона:

— Алло! А...

Из подворотни на бешеной скорости вылетел грузовик и прямо въехал в магазин «Цветы». Дима ничего не понимал. Такого в планах не было. Началась стрельба.

Кровавый (а это появился Кровавый) палил из четырех револьверов, продвигаясь

вдоль прилавок. Его ребята хватали букеты цветов и швыряли в кузов автомобиля.

Главарь прежней шайки беспомощно метался в этой заварухе. Он орал:

— Кончай стрельбу! Кровавый! Грузи все, а там поделим! Слышишь, Крова...

Его убили. Стало страшно.

Со всех сторон поналетели фараоны. Что тут было! Взорвалась бомба, да так здорово, что Диму забросило в кузов грузовика.

...машина летела со страшным визгом. Кровавый был ранен, почти убит, но как-то еще управлял. В кузове среди цветов кувыр-кался Дима.

Полиция давно отстала. Город пропал и превратился в лес, а машина ползла по какому-то болоту, и вскоре почти на брюхе влезла в небольшую и крайне заросшую пещеру.

Дима вывалился из кузова на песчаный пол.

Его примеру последовал труп Кровавого.

Была ночь. Болото замерзло и уж не было таким трясиновым и страшным.

А коряги! Они, модницы, нацепили ожерелья из гнилушек да еще припудрились снежком — вот и красиво! Кривляются в свете луны...

Гермафродит — луна (она слишком была влюблена в месяц — вот Сильный и сделал из них нечто унитарное), словно продавщица лотерейных билетов, навязала всем свою продукцию + серебро, печаль, тайна, серебро...

Впрочем, Дима ничего этого не видит.

Он как вывалился из кузова, так и не встает. Он лежит на песочке и спит.

Последнее

Это было похоже на утро. Это могло быть и вечером, но по своему содержанию это было утро.

Дима открыл глаза и ужаснулся: грузовика не было. Кроватку тоже, а вся пещера заросла цветами, светилась и благоухала. И потом это была уже не пещера, а что-то совсем другое — вроде тоннеля, и он в своем конце ужасно светился.

У Димы тряслись ноги. Он испуганно направился туда, где светился тоннель.

Это был выход на чудесную бесконечную поляну. Она, вся покрытая травой и всевозможными узорами из фиалок и роз, служила игровой площадкой для двух теннисистов.

Позади корта виднелся великолепный дом дачного типа. Оттуда вкусно пахло бульоном — видно, игроков кто-то ждал к обеду.

А вокруг, и даже несомненно, было Лето! Да, да! Лето! С его лелеющим воздухом, ветром, солнцем! Бабочки там летали...

Мяч изящно вояжировал от одного игрока к другому. Одним из игроков была красивая девушка.

Диме показалось... Нет, точно! Он вынул глаза: это была Света. Такой красивой он ее не мог бы представить.

Дима робко шагнул к ней — и ему снова пришлось пучить глаза: вторым игроком был Главный Врач больницы №13. Точно он! Только не такой злой, как на обходах, и в котомчике цвета индиго.

Света сама увидела Диму. Незамеченный мяч упал возле ее левой ноги. Естественно, Главный тоже уставился, но в его взгляде не было удивления, а, что, мол, за назойливость? Кто такой?

— Кто вы такой?

Дима бормотал нечто вроде «да я», «да вот»... Ах! Да ведь я голый! И грязный! Конечно, меня не узнать! Дима виновато прикрылся руками.

— Света! Ты выздоровела! Загорела! Красавица! Я так рад за тебя!

Главный Врач громко захохотал. Он ловко перепрыгнул через сетку, обнял Свету и показывал на Диму пальцем.

Света слегка отстранилась. Она непонимающе улыбнулась Диме.

— Видите ли... Я вас не знаю. Потом, я никогда не болела! Разве что в детстве, и то, кажется, ветрянкой...

— А посмотри, какой он грязный! — орал Главный. — А рожа! Рожа! А-ха-ха!!

Дима дрожал. Солнце не грело его. Он не ощущал запаха цветов. Он судорожно и как можно более прилично сдирал с себя гнилые листья одной рукой, и все равно зарыдал, как маленький, и смотрел жалобно в лица обоим: кто пожалеет?

— Было... было же ведь... и мы мечтали о Лете... и я нашел для тебя цветы... я нашел их для тебя...

Из великолепного дома сквозь запах вареной курицы раздался крик: «Идите обе-дать!»

— Это было! — заорал Дима...

Главный Врач крепко обнял Свету и угрожающе сказал:

— Вот что, парень. Если тебе нужны цветы, бери сколько угодно, а потом дуй отсюда, чтоб я тебя не видел!

Они подняли мяч и пошли к дому. Они пошли... Света через плечо Главного оглянулась на Диму, как оглядываются на собаку, раздавленную автобусом...

— Нет... нет... — шептал Дима, все пятясь и пятясь спиной, все не отрывая взгляда от уходящих...

И так он все пятился и на кого-то наткнулся. Дима вскрикнул и обернулся, как юла. Перед ним стоял Бродяга. Он устало вытирал пот со лба — видно, спешил и боялся опоздать.

— Что это? Что же это? — кричал Дима и тряс Бродягу за плечи.

— Успокойся. Я тебя люблю, ты же знаешь. И я не опоздал...

Бродяга достал часы и маленький колокольчик. Секундная стрелка добежала до нужного места.

Бродяга печально улыбнулся.

— Закрой глаза. Я сейчас позвоню, а ты закрой глаза...

... лето... лето...

Все теплое, тихое...

Все забыто-прекрасное...

Все запах помады возлюбленной школьницы... как смеется любимая...

...как смотрит любимая...

...почему ее взгляд поцеловать нельзя, хотя
глаза ее можно целовать бесконечно...
...как она не умеет вести себя в ресторане...
...как становится грустной при виде
голодных птиц...

О чем вы кричите, журавли?

*Или я, парализованный журавлиной осенью,
поверил в смерть?*

Из морга ушли все живые люди.

Дима лежал на каменном, в форме неглубокого корыта, столе. Капельки формалина таяли на его мертвом лице. Он открыл глаза. Левой рукой потрогал совершенно пустой живот и грудную клетку. Не было даже сердца.

В голове было пусто. Наверное, там не было мозгов. Впрочем, отсутствие некоторых органов нисколько не сказывалось на самочувствии мертвецов.

Их было немного в морге. Все потихоньку начали шевелиться.

Здесь была молодая супружеская чета со своим первенцем. Они все задохнулись от газа. Мать кормила ребенка грудью. Ему, верно, не нравился привкус формалина, и он морщил свое зеленое лицо. Молодой отец, инженер по профессии, прикидывал оригинальную конструкцию семейного гроба.

— Вот возьму и убегу! — говорила зарезанная продавщица из магазина «Рассвет». Тогда ее сосед по столу, пожилой алкоголик, осуждающе смотрел на нее, и она снова принималась за свою парфюмерию. Она ужасно наредила ресницы, а теперь гримировала трупные пятна под родинки.

Дима поднял правую руку. В ней расцвела роза. Дима улыбнулся.

— Милая! Так любил я тебя, что даже теперь сохранил цветок!

Он посмотрел направо. Он совсем не зря посмотрел туда: на соседнем столе лежала Света.

Дима подумал, что если все мертвые шевелятся, то вряд ли он исключение.

И он действительно встал, подошел к Свете, потрогал ее рукой — он потрогал ее с прежним чувством восхищения. Тогда он положил ей на грудь цветок.

И Света открыла глаза.

Все мертвые тепло и участливо смотрели на них. Алкоголик решил выпить с Димой полпузырька спирта, что он стянул у студентов. Молодой отец прикидывал для них гроб, а продавщица из магазина «Рассвет» пришла к выводу, что стоит поделиться со Светой косметикой (правда, помаду выбрала дешевле).

Все было именно так. И они взяли друг друга за руки, как тогда, в больнице, в начале любви.

Мертвецы удивленными ангелами разместились вокруг них. Они с большим наслаждением открывали для них то, чего в жизни не было у них совсем, или было отчасти. Они догадались о чем-то и ждали...

И то ли цветок сделался мертвым, то ли мертвые совершенно иными — но все они, по-неземному заплаканные, светились кристаллами формалина... Ах, нет! Это на окне морга, во весь изящный рост, в совершенно сумасшедшей (облокотившись на форточку) позе стояло и улыбалось

Лето!

Август 1978